

40. БЕЛДОМОСТРОЙ

Для Беларуси нет важнее вопроса: как проголосовали на «ошеломившем» (президента) референдуме 2004 года молодые? Солдат и студентов силой и хитростью гнали на досрочное голосование, но в кабинках-то никто рядом с ними не стоял. Молодые сделали самостоятельный выбор. Какой же? Моя хроника это зафиксировала. Разговоры о нарушениях властями избирательных процедур, на чем сосредоточено внимание оппозиции, – это глас вопиющего в пустыне, переходящий в демагогию. Признать полное поражение многолетней тактики у профессиональных оппозиционеров не хватает мужества, ответственности, ума. Может быть, молодежь подскажет им, что делать дальше?

Ровно за один месяц до республиканского референдума я попросил своих студентов написать для меня сочинение-эссе на тему «17 октября 2004 года». Ребятам от 20 до 25 лет. Всех я знаю достаточно хорошо, они знают меня, читали мои книги. Взаимное доверие способствовало искренности нашего общения, из искренности вытекает больше объективности, чем из безликих исследований социологов.

Я обещал юным сочинителям анонимность авторства, невмешательство в стиль и логику. От них просил одного: постараться словами как можно точнее выразить то, что они переживают, чувствуют по поводу предстоящего референдума. Если бы я попросил об этом после голосования, то, думаю, мои респонденты не смогли бы оставаться самими собой, ибо неосознанно ощущали бы психологическое давление уже состоявшегося выбора народа. Эссе родились бы несвободными, следовательно, никчемными как основа для выводов.

Результаты референдума 2004 года известны: президенту Республики Беларусь Александру Лукашенко белорусский народ разрешил участвовать в президентских выборах 2006 года. Коль разрешил, то изберет его на третий срок. Если изберет на третий, то и на четвертый. А там, если позволит здоровье всенародноизбранного и незаменимого, пятый срок возникнет как фатальная неизбежность диктатуры, исключаяющей всякие выборы.

Референдум-2004 определил перспективу развития Беларуси на длительный период, его истинные последствия скажутся тогда, когда основная часть нынешнего электората Лукашенко уйдет в мир иной. 17 октября 2004 года родители выбрали судьбу своим детям и внукам. Чрезвычайно важно знать, что думают по этому поводу молодые. Если мы будем знать, что именно они думают, мы сможем прогнозировать, что конкретно они сделают, как распорядятся навязанными судьбами. В мыслях и чувствах нынешних молодых непременно присутствует будущее Беларуси.

Ирина Д.:

«Уже совсем скоро придет тот день, который мы так ждем. 17 октября 2004 года станет днем переломным для белорусского народа. Главная задача – сделать выбор. Выбор – правильный.

Белорусов на данный момент волнует вопрос о третьем сроке нашего президента. Правильно ли сделает народ, дав ему еще один шанс?

Что мы имеем на сегодняшний день? Маленькая зарплата, безработица, отсутствие полной свободы слова. Хочется лучшей жизни. Но как открыть глаза родным белорусам? Как сделать так, чтобы народ не участвовал в уничтожении нашей страны? Подумайте, люди, загляните в будущее! Введут российский рубль, зарплаты нечем будет платить, цены на коммунальные услуги резко повысятся. Делается страшно за наш народ, если он изберет такое будущее.

Конечно, не раз приходилось слышать и хорошие отзывы о теперешнем президенте, но все они однообразны. Посмотрите вы только на дороги, на них так приятно ездить! Гляньте на Минск, который летом так красив: убраны улицы, разбиты цветники. Да и пенсия вроде бы увеличивается. А что будет с нами с приходом другого президента? Вдруг будет разрушено все то, что мы достигли при Лукашенко?

Что же думает по этому поводу наша молодежь? Слова и аргументы те же, что у взрослых. Одни с гордостью показывают на спортивные комплексы и новую национальную библиотеку, а другие говорят: это все, на что способен Лукашенко.

По-моему, жизнь лучше не стала. Библиотека отдельно, жизнь отдельно. Чтобы прокормить себя, люди вынуждены искать приработок. Если нет возможности найти работу здесь, то приходится уезжать за границу. Или оставаться в своей стране, всегда ограничивая себя и детей в самом необходимом. Разве это нормальная жизнь?

Страх, страх, и только – вот что ждет нас в нашей стране».

Елена П.:

«Выхожу одна я на дорогу. Плакаты, листовки, огромные стенды агитируют за референдум. Текущие реки золотого зерна, а на их фоне натруженные крестьянские руки и надпись: «За родную Беларусь!» А лицо где? Эти руки без лица. Не нужно оно. У нас миллионы безликих работяг.

По телевизору же покажут сытенных актеров, неумело влезших на комбайн, предварительно очищенный от многолетней грязи, хлопающих другу друга по плечу со словами: «Батька не подведет!» Руки подлинного крестьянина, не актера, остались за кадром истории, как и его лицо. Судьбу Беларуси на референдуме 17 октября 2004 года решит белорусский инкогнито».

Ирина Г.:

«Сегодня стало модным кричать о демократии, о правах человека, о свободе. Парадоксально, когда надо сделать выбор, белорусы предпочитают страусиную тактику. В чем дело?

Ответ на этот вопрос я получила в лифте, где прочитала выцарапанное изречение: «Голосуй не голосуй – все равно получишь х...»

Чем, скажите, не оправдание прогнозируемой победы Лукашенко? А ведь референдум позволяет каждому белорусу сделать правильный выбор. Никто не будет стоять рядом в кабинке для голосования. Только один свидетель – ответственность.

Сегодня, за месяц до референдума, я с тревогой думаю: покажет ли наш народ, что у него есть свой голос, что он осознает свое право его иметь, что он может решать и выбирать и что он достоин это делать? Я могу сказать, что ни вера в фатальную неизбежность фальсификации результатов референдума, ни неверие в силы оппозиционных политиков изменить что-либо к лучшему – ничто не может оправдать безучастность миллионов белорусов к своей судьбе, к судьбе своих детей».

Людмила Щ.:

«В троллейбусе рядом с моим ухом одна тетка говорила другой: «Вчера вечером ничего по дому не сделала, слушала по телевизору батьку. Ну, молодец! Вот с кого надо брать пример молодежи. Дай Бог ему здоровья еще лет на 30, тогда и бояться нечего, и помереть можно спокойно».

Мне стало страшно. Эти две тетки уже определили мне будущее на 30 лет вперед. Даже моим не родившимся еще детям они выбрали жизнь под диктатурой Лукашенко. Страшно! Неужели так легко купить волю и сознание народа за пустые обещания, за подметенные городские улицы, за строящуюся библиотеку? Хочется кричать от злости, чтобы разбудить окутанных гипнозом людей: я не буду жить в мире, созданном вами!»

Валентин Т.:

«Уже десять лет минуло, как на пост президента Беларуси вошел А.Г.Лукашенко. Он проделал немало работы по улучшению социальной жизни страны. Жизнь стала более «вкусной». Но сегодня следует спросить: а могло ли быть лучше? Ответ на этот вопрос каждый здравомыслящий человек дает однозначный: да, могло.

Первый президент Беларуси повел белорусов по хорошо знакомому старшему поколению советскому пути, где личная инициатива наказуема, где никогда не было настоящей свободы, где честью и совестью являлась правящая партия.

Сегодня, когда до голосования по известному всем вопросу осталось ровно месяц, белорусскому народу пора сделать, пожалуй, самый важный выбор в истории суверенной Беларуси. Хорошо думайте, белорусы, целый месяц, если, конечно, еще не потеряли дар думать, насмотревшись национальное телевидение. Подумайте, неужели предел ваших мечтаний – это зарплата в 200 «зеленых» да обещания властей обеспечить жильем молодежь и многодетные семьи? Ведь жизнь может быть гораздо лучше, свободнее. Успех и процветание могут стать неотъемлемой частью жизни каждого думающего и желающего работать человека, если 17 октября 2004 года он освободится от гипноза пропаганды и здраво подумает о судьбе своих детей, своей страны».

Лейла Ш.:

«Сидим с мамой перед телевизором. Показывают оппозиционный митинг в Минске, где требуют отставки Лукашенко. Мама говорит мне: «Какой кошмар, какое несчастье! Если они победят, нас прогонят из Беларуси». Успокаиваю ее: «Не бойся, с нами такого не случится. Мы живем в тихой и мирной стране. Лукашенко не допустит беспредела». – «Да! – подхватывает мама. – Он же нам, как отец родной. Он любит нас, заботится, как о родных детях. Чего этим оппозиционерам еще надо?»

Мы – лезгины, приехали в Беларусь из Дагестана, живем при Лукашенко десять лет, ни разу не слышали упрека в том, что мы «лица кавказской национальности». Но я не могу понять белорусов. Спорила с одной девушкой, хорошей знакомой. Она, белоруска, ненавидит белорусский язык, клянется, что никогда не заговорит на нем. А меня, когда приезжаю в Дагестан, родные постоянно упрекают в том, что не знаю родной язык. Здесь же будут с удивлением оглядываться на того, кто разговаривает по-белорусски.

На родине постоянно слышу один и тот же вопрос: «Это правда, что Лукашенко такой тиран, как о нем пишут?» С жаром опровергаю. Рассказываю о красивой стране, где нет войны, где строятся дворцы спорта и библиотеки, где проводятся городские праздники. Мы бросили свою Родину, чтобы в Беларуси чувствовать себя в полной безопасности.

Белорусы видели много горя, но 60 мирных лет воспитали поколение, которому просто жить в мире – уже мало. Молодые люди не видели взрывов, не голодали, не наделены несчастьем беженцев. Они слышали о сытой жизни в других странах, им хочется жить так же, и потому они возмущаются Беларусью и ее строем. Мой папа говорит так: «Когда к власти придет какой-нибудь «зубр» и заставит всех говорить по-белорусски, здесь начнется война, как в Дагестане, вот увидишь. И нам придется уезжать».

Ольга Р.:

«Я недавно спросила у одного молодого человека, который купил себе автомобиль за 100 тысяч долларов и трехкомнатную квартиру: «Пойдешь ли ты на референдум 17 октября?» Ответ его был удивительным: «Конечно, пойду! Хотя мой голос ничего не решит. Лучше в Беларуси не будет. Я против третьего срока президента, потому что с ним мне лучше жить не стало». Невольно напрашивается вопрос: а машина, а квартира?»

Хорошо, конечно, что постоянно что-то не устраивает. Значит, надо стремиться к лучшему. Значит, нужны перемены. Значит, надо идти на референдум и выбирать лучшее. Давно пора определиться, спросить у себя: все ли хорошо в моей жизни при этой власти?

В моей семье лучше при Лукашенко действительно не стало».

Юлия Ш.:

«До самого яркого политического события современности, референдума 17 октября 2004 года, еще месяц, а я, впрочем, как и мои многочисленные

друзья, уже бросила смотреть белорусское телевидение. Агитация и зомбирование напоминают представление «погорелого театра», которое наш народ насмотрелся при социализме. В представлении вливаются огромные деньги, а моя мама как получала на государственном предприятии 40 долларов в месяц, так и получает. Пусть бы перед референдумом провели эксперимент над политиками и кандидатами в президенты: смогут ли они содержать свои семьи на такие деньги. Я без сомнений отдала бы свой голос тому, кто прошел бы такие испытания. Пусть бы сам решил: либо зарплата маленькая, либо мы зажрались?

Обещали нам счастливое будущее в 1994 году, затем на референдумах 1995-го и 1996-го, а мы роемся в мусорных бачках. На днях наблюдала на площади Якуба Коласа, как за 10 минут в одну и ту же мусорную урну заглянуло пять старушек. Искали пустые бутылки, чтобы за выручку от них поддержать свой семейный бюджет. Не это ли ярче всего говорит о «процветании» нашей страны?

От счастливой ли жизни белорусские студенты так стремятся выехать за границу на летние каникулы, чтобы там драить полы, мыть посуду, танцевать стриптиз? Молодым хочется заработать свои деньги, чтобы стать независимыми от родителей.

Так стоит ли ждать каких-либо перемен после 17 октября? Стоит, если только надеяться на ... чудо».

Юлия М.:

«Я уже не задаюсь вопросом: что готовит день грядущий. Просто живу и пытаюсь верить в лучшее. Кого ни спроси, все за месяц до референдума знают ответ на вопрос: будет ли третий срок? Само собой разумеется, что он будет.

Смирившись с судьбой, мы ищем лучшее в мелочах, пытаемся не обращать внимания на буднично-бытовые трудности, из которых и состоит жизнь. Находим плюсы в обыденном, радуемся тому, что в более развитых странах считается нормой. Маленькая зарплата и пенсия выплачиваются каждый месяц – уже хорошо. Наши солдаты не воюют на чужих территориях – еще лучше. В холодильнике есть кефир, а в хлебнице батон, – радость. Завтра не помрем от голода – прекрасно.

Вот такой оптимист белорус. Когда нет возможности что-нибудь изменить, такой оптимизм спасает. И постепенно затихает в душе призыв Виктора Цоя: «Перемен требуют наши сердца. Перемен требуют наши глаза. И в наших висках, и в пульсации вен – перемен. Мы ждем перемен».

Перемен в Беларуси не видать. Было ли когда-нибудь в Беларуси хорошо – никто не знает, не помнит. И оттого молодым людям здесь очень-очень грустно, а пожилым – все равно».

Попросив ребят быть искренними и веря в их искренность, я и не намекнул, что хочу знать, как они проголосуют на референдуме. Неэтично было бы посягать на тайну их личного выбора. Однако, как видим, они не

стали скрывать своих электоральных симпатий-антипатий, по настрою эссе можно достоверно судить, в каком квадратике избирательного бюллетеня молодые поставили «птички».

Мои юные современники единодушно ПРОТИВ курса президента Александра Лукашенко. Их политические исповеди – наиважнейший национальный документ начала 21 века: на республиканском референдуме 17 октября 2004 года белорусская молодежь, за редчайшим исключением, не разрешила Лукашенко переписывать под себя Конституцию, чтобы участвовать в президентских выборах 2006 года.

«Птичку» ЗА Лукашенко выпустила из смятенной души лезгинка Лейла Ш., однако ее политически некорректная аргументация лишь выпячивает правило и делает ярче правду: Лукашенко и будущее Беларуси – несовместимы. Именно эту правду накануне референдума остервенело насильовали национальные телеканалы, показывая беженцев и мигрантов, прибывших в Беларусь из Кавказа, Средней Азии, Молдовы и вразумляющих белорусов любить своего правителя, дарующего мир, газ, весну, металл, лето, хлеб, дождь.

Несчастливым беженцам из воющего Кавказа хорошо и покойно даже в черныбыльских деревнях, покинутых белорусами. Но честно ли сопоставлять факты не одного понятийного ряда? Болотной лягушке весьма комфортно в трясине. Покажите ее, президентские пропагандисты, по БТ, чтобы убедила белорусов: чем больше в государстве трясины, тем больше комфорта и счастья.

Молодые люди понимают, высмеивают и отвергают спекуляции предвыборной пиар-кампании белорусских властей и их «приводных ремней» – государственных журналистов. Однако читать эссе, приведенные выше, мне было тяжело. У кого из родителей не ноет сердце, когда он видит, что его ребенку грустно! Что это за отец и мать такие, если они пихают свое чадо туда, где ему страшно? Отец-мать такие – из Беларуси. Не впервой они проявляют жестокость и родительскую эгоистичность к родным детям.

В ноябре 1996 года на референдуме за новый вариант Конституции, предложенный президентом Лукашенко и установивший его безграничную власть, проголосовали 5.175.664 человека, или 70,45 процента избирателей. И активные оппозиционеры, и пассивно симпатизирующие им демократы разных оттенков – все пребывали в шоке. Невозможно было умом понять, почему белорусский народ проголосовал ЗА ограничение собственных свобод и прав на многие годы вперед (Конституция – долгосрочный документ). Ситуацию в обществе после референдума 1996 года я попытался проиллюстрировать в правозащитной газете «Круг», которую редактировал.

В декабрьском номере «Круга» был помещен снимок, сделанный моим другом фотожурналистом Анатолием Коледой. Снимок занимал всю вторую страницу газеты. Фотосюжет у коллеги получился удачный, символический: на старом белорусском шляхе (брукаванцы), обсаженном вековыми деревьями, на мгновение остановилась маленькая бабка Текля, идущая на поле жать жито. Одета она в белую льняную кофту с вышивкой, на плече висит древний

серп, на кофте пристегнуты (про запас) две большие булавки. Бабка Текля сложила на животе натруженные руки, стеснительно улыбается беззубым ртом, смотрит нам прямо в глаза. Подпись под снимком я сочинил вызывающую: «Счастливая!»

Почему же старушка показалась мне счастливой? Потому что бабки Текли не было среди 5.175.664 белорусов, добровольно отказавшихся от нормальной жизни. Да, она счастливая, хотя жизнь ее была тяжелая, беспросветная. Бабка Текля счастливая потому, что в ноябре 1996 года не участвовала в белорусском позоре – не выбрала себе и своим наследникам скотское существование. Ее внуки и правнуки, которым придется долго и тяжело выкорчевывать из своей жизни последки референдума-96, не будут ее проклинать, а вспомнят добрым словом, как принято вспоминать маму, бабушку, прабабушку...

Бабка Текля не участвовала в референдуме по той причине, что успела умереть до него.

Рафинированные теоретики журналистики периодически достают из архивов газету «Круг» с фотографией бабки Текли и обвиняют меня в нарушении профессиональной этики. Мир праху вашему, бабка Текля! Простите меня, ее наследники, за то, что вынужден применять жесткий прием публицистики! Я по-прежнему считаю бабку Теклю счастливой: она не принимала участия и в референдуме 2004 года, на котором, если верить официальным данным, 5.548.477 белорусов (79,42 процента!) отказались изменить свою жизнь к лучшему.

Морализаторство об этике неуместно вне исторического контекста, без учета конкретных реалий. А реалии – не утешают. Бабушки и дедушки и примкнувшие к ним папы и мамы средних лет в октябре 2004 года подтвердили, что не церемонятся со своими внуками и детьми, жаждущими перемен. Как объяснить сей парадокс наших безмерно любящих родителей, счастьем и целью которых является: родить детей, выучить, устроить, всю жизнь снабжать салом и бульбой, помогать пенсией, тянуть на буксире из последних старческих сил, проводить на заслуженный отдых, и продолжать снабжать салом и бульбой, и своей жалкой пенсией хоть немножко увеличивать их пенсию, такую же жалкую?

Все объясняется просто: нет никакого родительского парадокса. Есть консервативно-устойчивая патриархальная большая-пребольшая семья – белорусский народ. Данная семья подчиняется домострою, требующему беспрекословного повиновения главе. Домострою нужен диктатор-батяка, который организует экономику и распределение труда в семье, устанавливает внутренние правила, учит жизни подрастающие поколения молитвой, тычком и личным примером, выбирает детям суженых, женит. И все делает с любовью и жестокостью.

Благовещенский священник Сильвестр с восхищением описал неприхотливое счастье патриархального жизнеустройства в классическом произведении русской литературы 16 века «Домострой», а мы наблюдаем оное в 21 веке во всебелорусской семье, где суровому отцу-удальцу прислуживает подловатая мамка – политическая технология, домашняя мастерица обмана,

которая на референдуме сотворила процентов победы «даже больше, чем надо» (Лукашенко). Но фальсификации, грубейшие нарушения властью законов не смягчают вину домостроевских стариков перед внуками. Более того, безнаказанность и наглость власти стали возможны благодаря безропотности подвластной паствы.

Домострой – прочная опора и надежный союзник государственного авторитаризма. В Великом Княжестве Литовском домостроевские традиции пронизывали и связывали семью, государство, общество, церковь.

2 декабря 1591 года в ратуше Минска проходило обычное заседание городской рады. Неожиданно явилась группа городских ремесленников, а именно: золотых дел мастера, кузнецы, котляры, латунщики, слесари, часовщики, оружейники, ножевщики. Они пожаловались местным властям, что в Минске не разрешен цех ремесленников, который бы объединил всех мастеров единым уставом, как это сделано в столичном Вильно.

Минские умельцы тоже сочинили устав, потребовали его немедленно прочитать и утвердить. Члены рады тут же изучили устав и, «хорошо уяснив себе его, приказали все необходимые статьи ... занести в городские книги».

Не могу удержаться от длинной цитаты из Устава минских ремесленников образца 1591 года, настолько он интересен, серьезен и... смешон:

«Ст.1. Мы, члены этого объединенного цеха, состоящего из 8 ремесел, желаем неустанно воздавать хвалу бессмертию божию, быть верноподданными милостивого е. вел. короля, оказывать почтение и повиноваться во всем как ему самому, так и его минскому магистру, чтить е. к. вел и его магистрат, не допускать по отношению к ним никакого ослушания, а, напротив, слушаться их во всем и подчиняться как своим старшим, поставленным богом...

Ст.3. Каждый человек каждого ремесла обязан удостоверить законность своего рождения свидетельством, основанным на показаниях под присягой людей, заслуживающих доверия. А тот, законнорожденность которого ставится под сомнение, не может ни заниматься каким-либо ремеслом, ни учиться в нашем цехе, ни находиться среди нас...

Ст.4. Стремясь к тому, чтобы ремесла нашего цеха снискали у всех славу и одобрение, устанавливаем, чтобы каждый, кто хочет с разрешения всего цеха стать мастером в г. Минске, собственноручно изготовил в присутствии 2 назначенных цехом для наблюдения мастеров нижеописанный шедевр...

Ст.5. Кузнечное ремесло: тесак, подкова, топор. Эти 3 предмета должны быть сделаны в 1 день и вчерне, с руки, т.е. с молота, отданы. А если бы указанные предметы не были сделаны удовлетворительно с первого раза, тогда, по усмотрению мастеров и цеха, он должен эти предметы делать второй и третий раз. Если и в третий раз он не справится, тогда становится бродячим ремесленником или подмастерьем, пока лучше не научится. Однако сыновей и дочерей мастеров мы освобождаем от этого..., вменяя им в обязанность только устройство ужина, который они должны дать согласно обычаю. А если подмастерье этого ремесла женится на вдове или дочери мастера, тогда он

обязан изготовить только половину шедевра и устроить ужин. Если же сын мастера женится на дочери мастера своего ремесла, он не должен выполнять никакого шедевра, а только устроить ужин...

Ст.7. Чтобы утолить печаль вдов, потерявших мужей-мастеров какого-либо ремесла, разрешается им на протяжении 1 года и 6 недель содержать подмастерьев в своей мастерской, чтобы избежать нищеты. А если у вдовы имеется потомство, а в особенности сын, тогда ей разрешается держать подмастерьев до тех пор, пока она не выйдет замуж либо пока не вырастет ее сын. Все это относится только к вдовам, благопристойно соблюдающим свое вдовство...»

Кудесники, а не ремесленники обитали в Минске! Как умело сплели в семейный клубок, казалось бы, не сочетаемое: бога, короля, минский магистрат, чиновничество, высокомерие, профессиональное мастерство, жестокость, кумовство, возделанный ужин, тотальный контроль, спальню вдовы...

Не с умельцев ли средневековья берут пример нынешние сочинители законов и указов, расписывающих каждый шаг и чих гражданина – предпринимателя, руководителя, специалиста? Не походит ли на Устав минских ремесленников наша Конституция, в 1996 году принятая народом и предоставившая право тотального контроля одному человеку в государстве? Не станет ли е. вел. Л. назначать дворников, учитывая нарекания народа на их неудовлетворительную работу? Если бы вопрос о назначении дворников по типу губернаторов, судей и руководителей предприятий вынести на республиканский референдум, он, несомненно, получил бы всенародную поддержку. Постулат о том, что народ – единственный источник власти, ограничен для Беларуси.

Желание регламентировать личную, общественную, духовную, профессиональную жизнь исходит в Беларуси и сверху, и снизу. Массовый родительский выбор на референдуме выдал затаенную авторитарность белорусского народа. Авторитарному народу позарез нужен повелитель – и таковой появился. Восхождение на белорусский Олимп Лукашенко обусловлено национальным менталитетом. Сам носитель этого менталитета, он грамотно использует его в политических целях, чем и побеждает несмышленных противников. Авторитарный же народ, с готовностью подчиняясь диктатору, диктует волю тем, кто слабее, беззащитнее, – своим детям.

А что же дети? Протестуя, что их без согласия «женили», мои юные друзья в своих рассуждениях не допускают грубых выпадов в адрес старших, не шлют им проклятий. Детям как зеленым отпрыскам народа свойствен психологический авторитаризм, то есть уважение к воле родителей. Мера такого уважения у молодых, безусловно, уменьшается под воздействием их антилукашизма, зачастую наивного, невыношенного. Так вынашивай, оппозиция! Однако при этом не позволяй себе полного неприятия батьки, признавай его определенные семейные заслуги, сотрудничай с ним избирательно, критикуй не огульно, не сей среди его домочадцев паники

митинговыми воплями «долой!», встраивайся в родной народ, изнутри заряжай массы протестным потенциалом.

Что же посоветовать мальчикам и девочкам, которым сегодня и страшно, и грустно, и уже злость одолевает? Пожалуй, это самый сложный вопрос, встающий перед обществом после референдума 2004 года. Проигравшая оппозиция, зная о протестных настроениях молодежи, с маниакальной настойчивостью будет призывать ее под свои знамена, чтобы повести в «бой с диктатурой». Но разве по-человечески – вступить в бой с родителями?

Молодые белорусы под воздействием остаточных всплесков врожденного авторитаризма, за редчайшим исключением, отрицают роковой бой. Не следует ждать от молодежи оппозиционной активности, а призывать к таковой будет не по-отцовски. Революционная безоглядность – не семейное дело, не белорусский крест. Скорее всего молодежь станет приспосабливаться к ситуации, мимикрировать, искать благоприятную нишу, делать карьеру, барахтаться, уезжать, тосковать, спиваться...

Когда же Беларусь преодолет в себе синдром Лукашенко? Не раньше, чем сменится поколение и нынешние молодые станут большинством. Если им не помешает беддомострой, заложенный в генной памяти, заменяющий у нас гражданское общество. Если власть не успеет оболванить молодых, как оболванила старых. Или не произойдет чуда, в которое верят все дети.

2004